

Черные муравьи (III). Юнь Чжун...

Эти подростки были совсем не такими, какими он их себе представлял. С тех пор как Ши Цзю столкнулся с Эндено, его окружали почти исключительно взрослые граждане, а общение с несовершеннолетними ограничивалось лишь мимолетными встречами в очередях лаборатории «Исток». Взрослые, прошедшие через эволюцию, всегда казались воплощением дружелюбия...

Юноша бросил взгляд на Хэ Вэя, поглощенного чтением, а затем на мужчину, который по-прежнему возился с ребенком. В самый первый день этот человек — единственный из всех — поинтересовался состоянием раны Ши Цзю.

Чем выше уровень цивилизации, тем сильнее мораль подавляет животную натуру. Зрелый человек способен трансформировать это внутреннее напряжение во что-то созидательное, найти ему разумный выход. Но когда дело касается подростков...

Забрав свою порцию воды, Ши Цзю неспешно побрел обратно. Нога заживала на удивление быстро: когда Хэ Вэй менял повязку, было заметно, что рана уже начала затягиваться.

Он устроился на своей узкой койке, привалившись спиной к стене. От нечего делать юноша принялся внимательно изучать камеру.

Стены были облезлыми, испещренными трещинами. Здесь не было и намека на тот продуманный дизайн, что он видел в лаборатории «Исток». Эта тюрьма казалась случайным творением: наспех возведенный бетон, кирпичная кладка и самый минимум необходимой мебели. Ни одной лишней детали.

Взгляд Ши Цзю скользил выше по стене, надеясь зацепиться хоть за какую-то особенность, и вдруг замер.

«Это еще что такое?..»

Он поднялся, но тут же понял, что надпись находится чуть ниже уровня его глаз.

Слова были крошечными. Если бы не скука, заставившая его изучать каждый сантиметр кладки, он бы никогда их не заметил.

Ши Цзю пришлось прильнуть к стене почти вплотную, чтобы в тусклом свете разобрать нацарапанные знаки.

«Не ведай сомнений. Не ведай подозрений».

Откуда здесь взяться подобным словам?

— Эй, придурок. Подвинь свою койку, я хочу поставить стол посередине, — внезапно подал голос Лин Чаоцзянь.

Ши Цзю оторвался от стены и холодно взглянул на соседа.

— Слышь, у меня нога болит, я хочу ее на стол закинуть. Сдвинуть кровать — дело плевое, не развалишься, — в голосе Лин Чаоцзяня зазвучало раздражение.

Ши Цзю сел обратно. Вместо того чтобы разозлиться, он лишь усмехнулся.

— Тебя дома только этому и учили? — спокойно спросил он.

— Что?

Ши Цзю повторил, чеканя слова:

— Я спрашиваю: дома тебя учили только этому?

Парень вскочил как ошпаренный, в один шаг преодолел расстояние до Ши Цзю и с размаху заехал ему кулаком в лицо.

Юноша перехватил удар на полпути и, глядя противнику в глаза, улыбнулся:

— Считаю, что одну ногу я тебе уже простил.

Лин Чаоцзянь не ожидал, что этот хрупкий паренек не только не испугается, но и окажется искушенным в драке. Позеленев от злости, он опустил руку и сел на место. В его взгляде не было страха — лишь высокомерное презрение.

— Ты хоть знаешь, что такое жара в тысячу градусов? — процедил он сквозь зубы.

— Знать не хочу, — отрезал Ши Цзю.

Больше они не проронили ни слова.

Интересно, заметил ли Чэнь Ай его исчезновение? Эта мысль не давала Ши Цзю покоя, заставляя ворочаться с боку на бок.

Неизвестно откуда снова выползли муравьи. Черным, густым потоком, напоминающим вязкую слизь, они бесшумно карабкались по дверям, устремляясь в сторону главного зала.

К седьмому дню хрупкое равновесие еще сохранялось. Но в полночь восьмого дня Ши Цзю разбудил детский плач. К нему примешивался шум дождя, а вскоре тишину окончательно разорвали яростные выкрики.

— Да сколько можно! Выкиньте его койку на улицу!

— Целую неделю не можешь заткнуть своего выродка! Каждую ночь одно и то же!

— Простите, пожалуйста... Я бы вышел, но там ливень...

— И что, из-за дождя нам теперь не спать?!

— Плевать! Вышвыривайте его вместе с мелким! Раз не можешь успокоить — проваливай!

— Не смейте!!

Ши Цзю сел на кровати. Лин Чаоцзянь тоже не спал — в его полуприкрытых глазах пылала неприкрытая злоба. Видимо, парень долго сдерживался, и теперь его терпению пришел конец. Тяжело дыша, он внезапно вскочил и пулей вылетел из камеры.

Дверь с грохотом ударилась о стену. Спустя мгновение из коридора донеслись крики.

— Ты кто такой?!

— За что ты его ударил?! Тут драка! Драка!

— Бейте его! Хватайте! Тащите отсюда!

Вопли, стоны и непрекращающийся плач младенца слились в оглушительную какофонию. В камерах одна за другой вспыхивали лампы. Тюрьма проснулась.

Огромное пространство зала превращало любой вскрик в гулкое, пугающее эхо.

Лин Чаоцзянь, обезумев, ввязался в драку прямо у входа в камеру того мужчины. Он бил всех подряд — подростков, отца, не разбирая дороги и не целясь. Окружающие на миг опешили, не зная, как утихомирить разъяренного парня, пока кто-то не крикнул:

— Навались на него! Прижмите к полу!

Пятеро или шестеро ребят повалили Лина. Его вжали лицом в бетон, но он продолжал изрыгать проклятия.

— Старший брат Цян! Что делать?! — крикнул кто-то из толпы.

— Врежьте ему и тащите к выходу!

Снова началась свалка.

Когда Ши Цзю вышел из камеры, он увидел, как четверо парней тащат обмякшего Лин Чаоцзяня за руки и за ноги к главным дверям. И действительно — его просто вышвырнули вон.

В открывшийся проем ворвались холодные капли дождя.

Младенец замолчал, и в тюрьме воцарилась относительная тишина.

Тот, кого называли Старшим братом Цяном, выглядел старше остальных — лет девятнадцати или двадцати. Он явно еще не прошел эволюцию, но держался как зрелый мужчина. Стоя в окружении своей свиты, он обвел зал властным взглядом.

— Будет орать — и тебя выкинем! — пригрозил Старший брат Цян мужчине, указывая на перепуганного ребенка.

Отец лишь сильнее прижал к себе младенца.

Эта сцена закончилась так же внезапно, как и началась. Подростки разошлись по камерам и улеглись спать. Снаружи шумел дождь, но в здании больше не было слышно ни звука. Даже выброшенный за дверь парень не подавал признаков жизни.

Утром девятого дня Ши Цзю едва не подскочил от неожиданности.

Лин Чаоцзянь стоял прямо у его кровати и сверлил его тяжелым взглядом. Неизвестно, сколько он так простоял. Одежда на нем была чистой, раны перевязаны, но на лице цвели свежие кровоподтеки.

— Почему ты мне вчера не помог? — ледяным тоном спросил он.

Ши Цзю лишь недоуменно нахмурился.

— Мы в одной камере. Меня избивали, а ты палец о палец не ударил, — процедил Лин.

— Хватит тебе, иди отдыхай, — раздался сзади голос Хэ Вэй.

Писатель выглядел смущенным — очевидно, именно он обрабатывал раны соседа. Лин Чаоцзянь бросил на Ши Цзю еще один неприязненный взгляд и сел на свою койку.

— Пойдем за едой, — предложил Хэ Вэй, помогая Ши Цзю подняться. — Все-таки ребенок, нельзя же было его бросать в таком виде.

Юноша кивнул. Внезапно он замер: в воздухе разливался странный, тошнотворный запах. Хэ Вэй тоже почувствовал неладное.

— Что это за вонь? — прошептал он.

Внимание Ши Цзю привлекла камера того самого мужчины с ребенком.

Он быстро направился туда, стараясь не обращать внимания на тянущую боль в ноге.

Остальные подростки обходили это место стороной. Лишь Ши Цзю и Хэ Вэй решились приблизиться. Чем ближе они подходили, тем невыносимее становился смрад. У самого порога оба невольно остановились.

В камере на кровати сидел мужчина с младенцем на руках. А весь пол перед его дверью и внутри помещения был залит экскрементами.

— Эй, вы двое, чего там забыли? — раздался за спиной наглый голос. — Не подходите. Пусть этот сукин сын сам вылезает. Не выйдет — хрен ему, а не еда с лекарствами. А если ночью не уберется спать на улицу, мы будем устраивать такое каждый день.

— Не умеешь воспитывать выродка — мы поможем!

Ши Цзю сжал губы. Хэ Вэй бросил на него тревожный взгляд, словно ища совета.

Стало ясно, почему те подростки наводили справки, придет ли кто-то из взрослых. Спустя неделю они окончательно убедились: здесь они предоставлены сами себе. Это место стало зоной абсолютной свободы, где нет правил, нет старших, и даже неизвестно, выйдет ли кто-то отсюда живым через тридцать дней. И они решили насладиться этой свободой сполна.

Ши Цзю уже готов был вмешаться, но мужчина в камере зашевелился. Он осторожно уложил ребенка, обулся и вышел наружу — прямо по нечистотам.

Лицо юноши исказилось. Он увидел, как мужчина, едва переступив порог, сорвался на бег. За три секунды он преодолел расстояние до Старшего брата Цяна и без тени сомнения нанес сокрушительный удар.

— А-а-а-а!! — взвыл тот от боли.

Никто не ожидал, что этот вежливый, тихий человек, который всю неделю только и делал, что извинялся, способен на такую ярость. Мгновение — и они сцепились в клубок, осыпая друг друга ударами под градом проклятий.

— Сука, отпусти! Помогите! Уберите его от меня!

— Пошел ты! — рычал мужчина. — Ты вообще кто такой, чтобы указывать мне?!

— А-а-а-а!!

Подростки гурьбой бросились на помощь своему лидеру и наконец разняли дерущихся. У Старшего брата Цяна из носа хлестала кровь, мужчина же отделался парой царапин.

Ши Цзю и Хэ Вэй переглянулись. Писатель тут же бросился в камеру за аптечкой, на бегу ворча под нос:

— Если так пойдет и дальше, у меня никакого спирта не хватит.

Пока Хэ Вэй обрабатывал раны обоим противникам, Старший брат Цян продолжал изрыгать угрозы. Мужчина же, заметно успокоившись, лишь тихо поблагодарил писателя, не обращая на вопли подростка никакого внимания.

Остальные ребята наблюдали за сценой со стороны — кто-то из дверей камер, кто-то перевесившись через перила второго этажа. Лишь несколько приближенных Цяна продолжали сыпать оскорблениями.

Ши Цзю нашел чистящие средства и молча, не проронив ни слова, вымыл пол в камере мужчины. Закончив, он с брезгливостью выбросил тряпки вон.

Крики постепенно затихли. Когда страсти улеглись, все как по команде сделали вид, будто ничего не произошло, и вернулись к своему привычному, тоскливому времяпрепровождению.

Мужчина молча вернулся к себе, уложил ребенка и вышел на площадку перед зданием, где сидели Ши Цзю и Хэ Вэй.

— Спасибо вам, — произнес он, нервно потирая руки.

— Ну что вы, не стоит благодарности, — тут же отозвался Хэ Вэй.

Он нахмурился, глядя на Ши Цзю, и уже собирался что-то сказать, но юноша опередил его:

— Будьте осторожны. С этими детьми что-то не так.

Мужчина на мгновение замер, а потом вдруг улыбнулся, и его руки наконец расслабленно опустились.

— Это нормально. Дети больше полагаются на инстинкты, они еще не умеют сопереживать. Все они — адепты одной-единственной религии под названием «Я». Именно поэтому существует образование, именно поэтому нам нужен жизненный опыт. Когда они вырастут, пройдут через эволюцию и познают мир, всё изменится к лучшему.

Он посмотрел на Ши Цзю долгим, изучающим взглядом.

— Ты... ты ведь тоже несовершеннолетний, но совсем другой. Если бы когда-нибудь все дети нашей цивилизации стали похожи на тебя, нас бы ждало великое будущее.

Говоря это, он с надеждой смотрел в небо — в это чернильное, непроглядное небо, — мечтая о том дне, когда граждане смогут стать Людьми даже без вмешательства «Истока». Похоже, его настроение улучшилось: тени последних дней были лишь теньями, они не могли затмить весь небосвод.

— Меня зовут Юнь Чжун, — официально представился он.

Из здания доносились приглушенные взрывы смеха — подростки снова сбились в кучу и шумели. Внешний мир для них перестал существовать. Скрежет железных ножек столов о бетонный пол доносился до улицы резким, режущим слух визгом, оставляя на поверхности глубокие бурые борозды.

Юнь Чжун рассказал, что воспользовался правом на бесполое размножение и совсем недавно обрел ребенка. Малыш заболел, и во время обследования в больнице они столкнулись с зараженным. Из соображений безопасности он сам сообщил об этом властям.

А еще он был журналистом. С гордостью Юнь Чжун упомянул, что когда-то брал интервью у Чэнь Ая. По его словам, господин Чэнь был человеком поразительно спокойным и милосердным — истинным представителем семьи Чэнь, сохранившим их вековые традиции.

При упоминании Чэнь Ая он даже заговорщицки прикрыл рот рукой:

— Мы все считаем, что именно господин Чэнь должен был стать Властителем.

Трое людей, стоя в ночи, болтали о пустяках и иногда дружно смеялись.

Мечтам Юнь Чжуна о будущем суждено было оборваться утром десятого дня изоляции.

<http://bllate.org/book/16109/1588134>